

НАШИ ПРЕЗЕНТАЦИИ

К 150-летию МПГУ

Александр Киселев, Алексей Лубков

РУСЬ: ОТ ЯЗЫЧЕСТВА К ПРАВОСЛАВНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ (ПРОДОЛЖЕНИЕ)*

Глава двадцать первая

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В XV В.

Православная церковь, как и Русское государство в целом, переживала в XV в. весьма сложные и даже трагичные времена. На церковной жизни сказывались ожесточенная борьба князей рода Рюриковичей за власть в годы феодальной войны, необходимость противостоять католическому Риму в его притязаниях на господство в христианском мире в условиях заката Византии, преодолевать ереси, грозящие размыванием основ православного христианства, в острых дискуссиях определяться в отношениях с государством, с судьбой монастырской собственности, а также сутью духовной жизни. Обстановка внутри церкви была крайне накаленной, изобиловала дискуссиями с альтернативными точками зрения ее участников, жесткими расправами над еретиками и отступниками от веры, с частой сменой церковных иерархов и др.¹

* Из материалов книги: *Киселев А. Ф.* Русь: от язычества к православной государственности / Александр Киселев, Алексей Лубков. М.: Вече, 2022. 464 с.: ил. – (Русская история).

Начало см.: *Киселев А. Ф., Лубков А. В.* Русь: от язычества к православной государственности // Развитие личности. 2022. № 3–4. С. 9–47; 2023. № 1. С. 8–69; № 2. С. 8–65.

¹ См.: *Белякова Е. В.* К истории учреждения автокефалии русской церкви // Россия на путях централизации. М., 1982; *Борисов Н. С.* Русская церковь в политической борьбе XIV–XV вв. М., 1986; *Лурье Я. С.* Иона // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 1. Л., 1988; *Тихомиров М. Н.* Средневековая Москва в XIV–XV вв. М., 1957 и др.

Знаменитый государственный деятель Средневековья великий князь Литвы Витовт активно вмешивался во внутренние дела Руси, воевал с ней, вступал во вражеские союзы с ордынцами против русских земель, пытался действовать «мягкой силой» через брак своей дочери Софьи с великим князем Василием Темным. У него были союзники в Русской православной церкви. Так, митрополит Киприан часто бывал в Литве. Он даже, как говорится в летописи, «по повелению» Витовта поставил попа Гоголя во владыки и «тот был епископ граду Володимерю». По тем же мотивам он убрал с кафедры Антония, епископа Туровского, и заточил его в Симоновом монастыре. Встречался Киприан и с польским королем Ягайло, который представлял католическую церковь.

Витовт в вопросах веры был прагматиком и подходил к ним в зависимости от своих политических целей. Однако, по условиям Городельской унии (1413 г.) между литовской и католической церквями, католикам в Литве были предоставлены явные преимущества перед православной церковью¹. Все симпатии Киприана находились в столице Литвы Вильне, «с помощью которой он надеялся собрать под флагом митрополии “всяя Руси” все русские города, включая нижнедунайские, прикарпатско-молдавские и неманские, куда входили, в том числе, давние русские города Вильна и Ковно»². Разумеется, эта огромная митрополия должна была жить под патронажем Литвы.

Киприан скончался в 1406 г. и его преемником стал митрополит Фотий, ориентировавшийся именно на Константинопольский патриархат, который возвел его на митрополичью кафедру Руси. Это означало отход от пролитовской политики предшественника. Фотий отрицательно относился к разного рода униатским настроениям, распространенным в русских и литовских землях, граничивших с Польшей.

Витовт развернул против Фотия травлю, противопоставляя Москве Киев и утверждая, что по древней традиции лидерство в Русской православной церкви должно принадлежать Киеву, Фотий же грабит и «истощает... великую Киевскую церковь, главу всея Руси». Витовт вынашивал планы раскола Русской православной церкви на Киевскую и Московскую митрополитии. Кандидатом в киевские митрополиты избирается племянник Киприана Григорий Цамблак (1365–1420), ставленник Витовта.

Витовт направляет в Константинопольский патриархат «компромат» на Фотия и посылает Григория Цамблака на утверждение в Константинополь. Однако византийский император и патриарх не поддержали предложение литовского князя о разделении митрополии «всяя Руси» на части и не утвердили кандидатуру Цамблака. В ответ осенью 1415 г. Витовт собирает собор епископов и настаивает на возведении Цамблака в сан митрополита, аргументируя это тем, что тот будет стоять во главе церковью его области. Епископы выступили против: Руси не подобает иметь двух митрополитов, это противоречит «старине», когда Русь была единой.

¹ См.: Кузьмин А. Г. Флорентийская уния и Русская церковь // Великие духовные пастыри России / Под ред. А. Ф. Киселева. М., 1999. С. 223.

² См.: Там же.

В ответ 15 ноября 1415 г. Витовт объявил Цамблака митрополитом южных русских земель. Раскол Русской православной церкви стал явью.

Фотий не сидел «сложая руки», а рассылал во все епархии грамоты с обличениями раскольников. Эти грамоты нашли отклик среди русских церковных иерархов, выступивших не только против кандидатуры Цамблака, но также по причине ориентации Витовта и его ставленника на унию с католичеством¹.

Григорий Цамблак со своими единомышленниками в 1418 г. прибыл на Константинопольский собор, где обсуждались вопросы воссоединения католической и православной церквей. Видимо, для этого еще не пришло время, и собор завершился безрезультатно. Авторитет Цамблака в глазах русского духовного сообщества был окончательно подорван. Он возвратился из Рима и Константинополя в Литву (сентябрь 1418 г.), а зимой 1419 г. скончался. Планы Витовта расколоть Русскую православную церковь и склонить ее к унии с католическим Римом провалились.

Однако идея унии православия с католичеством буквально «виталя в воздухе». Она находила все больше сторонников в Византии, шатавшейся под ударами турок. Византийцы надеялись, что слияние церквей обеспечит им долгожданную помощь в борьбе с турками от западных католических стран, но просчитались. В планы католиков не входило «сбережение» Византии. Напротив, они были заинтересованы в падении своего цивилизационного соперника – некогда процветавшей и могущественной мировой державы. Помощь с Запада не пришла, и все их проповеди о необходимости защиты христианства от мусульман оказались пустой декларацией. Православная Византия была принесена в жертву геополитическим интересам католического мира.

Точка в истории Византии была поставлена в 1453 г., когда в Константинополь ворвались османы. Прелюдией к трагической развязке стал Ферраро-Флорентийский собор 1437–1439 гг., где и была оформлена знаменитая Флорентийская уния, провозгласившая слияние православия и католичества.

Двумя годами ранее, после смерти митрополита Фотия, Константинопольский патриархат, несмотря на предпочтение Русской православной церкви своему кандидату в митрополиты Ионе, в 1437 г. прислал руководить московской митрополией своего ставленника грека Исидора, который до этого был игуменом монастыря святого Дмитрия в Константинополе. Исидор (1380 или 1390–1463) оказался последним греком на митрополичьей кафедре Русской православной церкви.

В Москву Исидор прибыл ненадолго. Он торопился на собор в Ферраре и Флоренции. Своих взглядов на поддержку унии не скрывал, ссылаясь на мнение патриарха Иосифа и византийского императора Иоанна Калуюна (1425–1448). Исидор таил «в себе прелесть Латыньския ереси, принесет же от римьскаго папы льстивное писание... к великому князю Василию Васильевичю»². Великий князь был непреклонен – Русь на унию не пойдет.

¹ См.: Кузьмин А.Г. Флорентийская уния и Русская церковь // Великие духовные пастыри России / Под ред. А.Ф. Киселева. М., 1999. С. 225.

² Из жития Ионы в редакции Степенной книги // Великие духовные пастыри России / Под ред. А. Ф. Киселева. М., 1999. С. 249.

Исидор, вопреки воле Василия Темного, на Флорентийском соборе выступил как ярый сторонник унии и заслужил от Рима почести – стал одним из шести римских кардиналов. Это было предательством Русской православной церкви, и Исидор получил по заслугам. По возвращении на Русь он был арестован и заключен в Чудов монастырь, из которого бежал. В исторической литературе есть точка зрения, что великий князь Василий Васильевич знал о готовящемся побеге, но не предпринял никаких мер к его предотвращению. Более того, он не организовал поимку беглеца, дав ему возможность скрыться за границей.

Русь не приняла Флорентийскую унию. Русская православная церковь объявила себя автокефальной (независимой) от Константинополя, что было важным шагом к обретению Русью и независимости от ордынского ига. Теперь по логике развития событий духовная независимость должна была органично сочетаться с независимостью и суверенностью Русского государства. Здесь прослеживается некая закономерность – на Руси духовное всегда было мощной силой исторического развития страны.

Вопреки воле Константинополя, митрополитом всея Руси стал русский епископ Иона, и эта традиция впредь никогда не нарушалась. Примечательно, что Ионе высокую духовную миссию на Руси предрек митрополит Фотий. Иона рано принял монашеский постриг – в 12 лет. Он ревностно нес все тяготы иноческой жизни в Симоновском монастыре Пречистой Богородицы. Монастырь посетил митрополит Фотий. «Прииде же в пекольницу, иже есть хлебня» он увидел «блаженнаго Иону уснувшя оть великаго воздержания и оть прилежнаго труда и молитвы непрестанныя... Святитель же со удивлением зряше на нь и не повеле никому же разбудити его. И пророчествуя о нем, глаголаше: “Разумейте, о чада, яко инок сей Иона будет велик святитель во странах Руськия земли и многих от неверных обратит къ Богу и просветит святым крещением и въ разум истинный приведет, наипаче же и сему царствующему граду Москве и прочим градовом многим и всем истинный пастырь и святитель будет”»¹.

Пророчества Фотия сбылись. Иона стал одним из великих духовных пастырей Руси. Иона сыграл важную роль в противоборстве Василия Темного с Дмитрием Шемякой. Последний пытался привлечь Иону на свою сторону лестью и посулами, но митрополит был тверд – московский престол по праву принадлежит великому князю Василию Васильевичу, и Шемяка должен с этим смириться. Иона, прибыв из Углича, где практически на правах узника находился Василий Темный, в Москву страстно увещевал и обличал Шемяку: «О княже! Почьто неправду дееши и клятву престапаеши и тем Богу досажаети? Господина своего, великого князя, и чада его оскорбляеши... и мое смирение во лжу применяеши и своему греху приобщаеши мя... Покайся о злобе своей, дондеже Божий суд не постигнет тя. Умирися убо и укрепися съ ним образом креста Христова и нашею братиею епископы». В результате «Шемяка срама и страха исполнися... и умирися с великим князем, каюся и прощения прося...»².

¹ Из жития Ионы в редакции Степенной книги // Великие духовные пастыри России / Под ред. А. Ф. Киселева. М., 1999. С. 247.

² Там же. С. 251.

Иона был совестью Руси, и его обличения Шемяки сыграли большую роль в том, что он оказался в политической и социальной изоляции, что и привело его к бесславному и позорному концу. Весьма значимая историческая заслуга митрополита Ионы состоит в том, что во многом благодаря его пастырскому служению победу в феодальной войне одержал великий московский князь Василий Темный, и в страну пришел долгожданный мир, а вместе с ним и условия для завершения процесса формирования единого Русского централизованного государства. В числе его строителей, безусловно, был и митрополит Иона. Союз церкви и государства (симфония властей) был благодатным для развития Руси.

Острые политические конфликты, социальные неурядицы, перестройка страны на служилых началах, бремя «государева тягла», ложившееся на плечи всех без исключения социальных групп, вызывали недовольство у определенной части населения, которое хотело большей «автономии» от государства. Этой «автономии» добивался прежде всего Новгород с давними традициями противоборства с Москвой.

Здесь возникла ересь «жидовствующих», которая распространилась и среди московских служилых и посадских людей, купцов, в придворных великокняжеских кругах и части духовенства¹. Она охватила достаточно широкие круги русского общества, что дало основания отдельным историкам говорить о русской Реформации по аналогии с Реформацией в Европе. Действительно, жидовствующие покушались на основы православия. Так, вместо Евангелия, повествующего о рождении, жизни и проповедях Христа, предпочтение отдавалось Ветхому Завету. Священное Предание – духовное наследие святых отцов церкви, а также постановления Вселенских соборов, подменялось пророчествами древних мудрецов. Еретики отказывались признавать троичность Божества – Святую Троицу – Отца, Сына и Святого Духа, то есть главный основополагающий догмат христианства. Это была такая ересь, которая, по сути, отрицала православие и христианство в целом. Она грозила опасностью разрушения духовного фундамента Руси, на котором, собственно, и строилось Русское государство.

Некоторые произведения «вольнодумцев» сохранились благодаря тайнописи и иносказаниям. Идеиные пристрастия «жидовствующих» характеризуют переписывавшиеся московскими писцами-еретиками религиозные сочинения, выполнявшиеся по официальным заказам. С «легкой руки» этих писцов из текстов исчезали упоминания о троичности Божества. Специально выделялись места, которые можно было использовать для критики поклонения Святой Троице, монашества, обрядности. Как пишет известный историк В. В. Мильков, «поменяв только одну букву, Иван-Волк Курицын привнес в правило Кормчей запрет на изображение Христа»².

¹ См.: «О ереси жидовствующих». М., 1902; Источники по истории новгородско-московской ереси конца XV – начала XVI в. // Казакова Н.А., Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – начала XVI в. М.–Л., 1955; Клибанов А.И. Реформационные движения в России в XIV – первой половине XVI в. М., 1960; Мильков В.В. Религиозно-философские проблемы в еретичестве конца XV – начала XVI в. // Философская мысль на Руси в позднее Средневековье. М., 1985. С. 40–67 и др.

² Мильков В. В. Жидовство (жидовствующие или новгородско-московская ересь антиринитариив) // Русская философия. Малый энциклопедический словарь. М., 1995. С. 180.

Наглядно характеризует жидовствующих переведенный с еврейского «Шестокрыл» – астрологическая антихристианская книга, автором которой считается Иммануил бен Яков (XIV в.). Содержание этого произведения совпадало с отрицанием «жидовствующими» христианского учения о конце света. В основе книги лежит принцип вечного календаря¹.

Отрицая идею конца мира, «жидовствующие» не признавали грядущего всеобщего воскресения и воздаяния по грехам земной жизни. В русле идей переводной литературы они решали вопросы соотношения веры – пророчества – мудрости. Еретик Федор Курицын в своих произведениях прямо заявлял, что основой веры являются пророческие наставления, смысл которых постигает мудрый человек, а мудрость в свою очередь дается тому, кто следует заповедям пророков. Поэтому «верующему» нет нужды постигать Бога, достаточно осмыслить пророчества людей не из Божьего, а брэнного мира, но обладающих даром предвидения.

В. В. Мильков пишет: «Утверждая пророческий источник веры и мудрости, еретик игнорирует святоотеческое предание, которое как основа господствующей православной религиозности представлено ими преградой для даруемой пророческим откровением свободы»². Федор Курицын основное положение о Христе Спасителе подменяет тезисом о спасительной для человечества миссии грамоты. Овладевший грамотой становится подобен Творцу, властелином мира. Разумеется, грамота – величайшее достижение человечества, но она не божественного происхождения и не предмет религиозного поклонения.

«Жидовствующие» не просто отошли от основ христианства, но опрокидывали их, проповедовали, по сути, что выбор веры для Руси равноапостольским князем Владимиром оказался заблуждением. Можно по-разному относиться к «жидовствующим», в том числе как первым на Руси «глашатаям свободы». Однако в реальных условиях конца XV–XVI в., когда Русь преодолевала удельную разобщенность и стремилась к единству, их идеи были разрушительными и могли привести только к хаосу в жизни общества, сумятице в умах и поведении людей, потере нравственных ориентиров. Русская православная церковь нашла в себе силы развенчать ересь «жидовствующих» и защитить христианские традиции.

Ярким поборником православия в Москве стал Иосиф Волоцкий, а в Новгороде епископ Геннадий. Их обличения еретиков – важный источник изучения собственно религиозной «доктрины» «жидовствующих». Иосиф Волоцкий начал борьбу с еретиками в 1479 г. в посланиях, которые получили известность под названием «Просветитель». В них Иосиф Волоцкий дал еретикам жесткую и аргументированную глубоким знанием библейской истории отповедь за отрицание почитания святынь – животворящего Креста, икон и святости апостольской церкви.

Иосиф Волоцкий писал: «Ныне поведаем об одном из их заблуждений. Одержимые лютою ересью, они утверждают, что не следует поклоняться плотскому смотрению вочеловечившегося нас ради Бога Слова... Иисуса Христа, а также Пречистой Богородицы и всех святых, Честному и Животворящему Кресту и божье-

¹ Мильков В. В. Жидовство (жидовствующие или новгородско-московская ересь антиринитариев) // Русская философия. Малый энциклопедический словарь. М., 1995. С. 180.

² Там же.

ственному Евангелию, Святым и Животворящим Христовым Тайнам, освященным сосудам, в которых божественные Таинства совершаются, честным мощам святых и Божьим церквам»¹. Очевидно, что еретики ставили «крест» на всей православной традиции.

Иосиф Волоцкий в ответ почитателям Ветхого Завета пишет: «Господь повелел Моисею создать храм, то есть скинию, устроив внутреннее убранство храма в подобие мира небесного. Поскольку херувимы обитают на небесах, он повелел Моисею сделать из золота херувимов и поместить их во Святая Святых... Зри, как сам Моисей многие подобию, рукотворенные каменные и литые изображения сотворил: скиния сделана из золота и серебра и из тканей червлёных и багряных, скрижали же вытесаны из камня»².

Именно Моисей по повелению Бога построил храм с пышным убранством, святой рукотворной утварью, обрядами, славящими Бога. Моисей и «Давид – царь пророк», Иона, Даниил и Ездра – все они поклонялись священному рукотворению. С ветхозаветных времен церковь – место прославления Бога, так отвечал Иосиф Волоцкий еретикам. Он приводит и другие свидетельства Ветхого Завета о поклонении Богу, в частности, слова царя Давида: «Превозносите Господа, Бога нашего, и поклоняйтесь подножию Его: свято оно!»³ При этом Волоцкий уточняет: «вся земля и все, что на ней, всякое дыхание и всякое создание, которое есть на земле, – подножие ног Божиих. А из всякого дыхания и создания, что имеется на земле, честнейшая есть церковь Бога Вседержителя и находящиеся в ней честнейшие вещи. Так что Сам Господь Бог повелел, и пророки и апостолы заповедали нам прежде всего почитать и поклоняться церкви, потому что и люди все через Церковь спасались и спасаются! Как в Ветхом Законе церковь и находящиеся в ней священные предметы являлись подножием ног Божиих, так же в Новом Законе церковь, и Животворящий Крест, и божественные иконы есть подножие ног Божиих»⁴.

Иосиф Волоцкий – талантливый литератор и знаток как Ветхого, так и Нового заветов. Его аргументы весомы, логичны, образны, встроены в безупречную литературную форму. Он убедительно доказал, что пророки, которых едва ли не обожествляли еретики, поклонялись, молились и славили церковь Божию. Считали ее святой и домом Бога на земле. Все нападки еретиков на нее выдуманы «зловредным умничанием», не имеющим ничего общего с историческими реалиями и религиозными истинами. Они лжецы, так как «знают, что пророки как к Богу, так и к церкви руки воздевали и молитву воссылали»⁵. Православные христиане рукотворным святыням (храм, крест, иконы, дары таинств и др.) поклоняются не как богам, а как вещам, сотворенным в честь и славу Божию и святых Его⁶.

¹ Иосиф Волоцкий. Послание к иконописцу. Слово первое // Великие духовные пастыри России. М., 1999. С. 293.

² Там же.

³ Псалом 98: 5 (Синодальный перевод).

⁴ Иосиф Волоцкий. Послание к иконописцу. Слово первое // Великие духовные пастыри России. М., 1999. С. 295–296.

⁵ Там же. С. 295.

⁶ Там же. С. 296–302.

Иосиф Волоцкий оставил весьма обширное творческое наследие. Он признан классиком православного богословия, публицистики и особенно полемического жанра¹. До сей поры актуальны его предупреждения, что абсолютизация идей, которые противоречат историческим духовно-нравственным традициям, разлагает общество и грозит ему деградацией и упадком. Правоту этого постулата Иосифа Волоцкого подтверждают события мировой и отечественной истории. «Новаторские» идеи пропагандировали, отстаивали, навязывали, за них умирали в тюрьмах, на баррикадах, в религиозных и гражданских войнах, а они бесконечной чередой сменяли друг друга и оставляли за собой хаос и сломленные судьбы миллионов людей.

Чего стоит одна идея «свободы», под флагом которой совершались государственные преступления и сокрушались традиционные общества? В православии свобода признается как нетленная ценность, но эта свобода – свобода от греха. Сегодня на Западе грех становится культом, поклоняться которому принуждают миллионы людей. Суть «свободы» извращена и втоптана в грязь безнравственности и морального разложения.

Иосиф Волоцкий предупреждал, что «самовластие» индивидуума в вопросах веры и трактовке Священного Писания и Священного Предания грозит впадением в грех самомнения, тщеславия, себялюбия и противопоставления личных интересов интересам общества. У еретиков, подчеркивал Волоцкий, все подчинено личной выгоде. Безусловно, ересь «жидовствующих» – грозная опасность как для православной церкви, так и для государства. Однако не будем ее преувеличивать. XV век вошел в историю не как век ереси, а как век расцвета русской святости. Десятки, если не сотни православных подвижников были канонизированы, и их праведная жизнь стала примером и образцом для миллионов русских людей. Святые освящали Русскую землю светом Христовой правды, и Русь осознала себя как святая земля – Святая Русь. Именно так ее воспринимали и называли наши соотечественники на протяжении многих веков.

«Жидовствующие» были осуждены на церковном соборе 1490 г., созванного по инициативе новгородского епископа Геннадия, но он сам на нем не присутствовал, а внес свои предложения по наказанию еретиков. Наказания были жестокими. Епископ для отступников от веры требовал смертной казни. На соборе присутствовали все епископы, представители княжеской администрации и уважаемые старцы Паисий Ярославов (сер. XV – 1501) и Нил Сорский (1433–1508), а также недавно избранный на митрополичью кафедру митрополит Зосима (ум. после 1510) – тайный благожелатель «жидовствующих». Он знал, что еретики обосновались при дворе Ивана III, а дьяк Федор Курицын был любимцем великого князя, что повлияло на вынесение приговора.

Перед судом предстали 9 еретиков, в том числе чернец Захария – главный обличитель епископа Геннадия. Им выдвинули обвинения: «бросали священные предметы в нечистые и скверные места, зубами кусали их, как собаки, ломали, жгли и говорили» при этом: «поругаемся иконам сим, якове жидове Христу

¹ Послания Иосифа Волоцкого. М., Л., 1959; Просветитель. Казань, 1903 и др.

поругались»¹. Еретики оправдывались тем, что «если и соделаша чего, то быша в исступлении ума», то есть невменяемыми, не отдающими отчет в своих действиях.

Главный обвинитель – суздальский епископ Нифонт (ум. 1508) предложил не вступать с еретиками в полемику, а всех приговорить к смертной казни, отлучению и проклятию всех «жидовствующим». Против этого приговора выступил Нил Сорский и Паисий, которые заявили, что «негоже» церкви осуждать к смерти «инакомыслящих», а покаявшихся еретиков церковь примет с «простертыми дланями и каждый примет от Бога по делам в день судный»². На приговоре сказалась позиция митрополита Зосимы и покровителя еретиков при княжеском дворе дьяка Федора Курицына. В результате еретиков приговорили к покаянию и заточению под надзором архиепископа новгородского Геннадия. Геннадий присланным в Новгород еретикам устроил публичную расправу. Их возили по городу верхом на лошадях в «бесовских колпаках», лицом к конскому хвосту. В завершение народно сожгли эти колпаки, заставили осужденных стоять обнаженными на коленях перед храмами. Еретик Дионисий, не выдержав издевательств, сошел с ума и умер³.

Иосиф Волоцкий знал, кому обязаны «жидовствующие» «мягким» приговором, и обратил против митрополита Зосимы всю силу своего полемического дара. Он писал и проповедовал, что Зосима скверный и «злой волк», пробравшийся на митрополичью кафедру. Обличения Волоцкого были услышаны. В итоге Зосиму обвинили в тайном еретичестве, неверии в загробную жизнь, «пьянстве и содомстве», в 1494 г. митрополит был лишен своего сана и удален в Троицкий монастырь⁴.

Так закончилась борьба православной церкви во главе с Иосифом Волоцким с ересью «жидовствующих». Однако в нашей исторической памяти Иосиф Волоцкий запечатлен не столько как борец с еретиками, сколько, как оппонент Нилу Сорскому в знаменитой полемике иосифлян с нестяжателями по вопросам монастырской и церковной собственности.

Иосиф Волоцкий родился в 1439 г. в семье выходцев из Литвы. Его прадед Александр Саня (отсюда и фамилия Санин) получил за службу великому князю в вотчину село Язвище-Покровское – «кормилицу» семьи Саниных. Дед Иосифа отличался благочестием и в старости принял монашеский постриг под именем монаха Григория. Иосиф, родившийся в семье зажиточного вотчинника, при крещении получил имя Иван. В семилетнем возрасте отец отдал его учиться грамоте в Кресто-Воздвиженский монастырь. Духовно наставлял мальчика старец Арсений. Он и привил ему любовь к иноческой жизни. В двадцатилетнем возрасте Иван стал монахом известного на Руси Боровского монастыря под духовным наставничеством настоятеля Пафнутия, приняв при монашеском постриге имя Иосиф.

¹ Цит. по: *Вышегородцев В. И.* Нил Сорский и Иосиф Волоцкий // Великие духовные пастыри России. М., 1999. С. 277.

² Цит. по: Там же.

³ Цит. по: Там же.

⁴ Цит. по: Там же. С. 278.

Иосиф Волоцкий «был среднего роста и красив лицом, с округлой и не слишком большой бородой, с темно-русыми, потом поседевшими волосами, был весел и приветлив в обращении, сострадателен к слабым»¹. Он в день, иногда через день, исправно работал с братьями по монастырю на хозяйстве, на земле – везде, где могли пригодиться его умения, сила и сноровка. Он выделялся умом, аскезой, властным характером. «Видно, что это был человек порядка и дисциплины, с сильным чутьем действительности и людских отношений, с невысоким мнением о людях и с великой верой в силу устава... лучше понимавший нужды и слабости людей, чем возвышенные качества и стремления души человеческой»². Отсюда его приверженность строгой дисциплине и принуждению к исполнению священниками-монахами и мирянами правил, обрядов и традиций православия. Он обладал даром привлекать к себе людей, «выправлять и вразумлять их, обращаясь к их здравому смыслу»³.

После смерти Пафнутия Иосиф Волоцкий становится настоятелем Боровского монастыря. Суровый характер нового игумена далеко не всем в монастырской общине пришелся «по душе». Иосиф ввел в монастыре строгий устав и жесткую дисциплину, что вызвало «брожение» среди иноков. В итоге Иосиф Волоцкий, отдавший Боровскому монастырю 8 лет жизни, покидает его в нищенском облачении в сопровождении инока Герасима Черного. Со своим спутником Иосиф Волоцкий посетил несколько монастырей, в том числе известные на Руси Кирилло-Белозерский и Саввино-Тверской. Прижиться нигде не смог. Тогда Иосиф с семью сподвижниками в лесу основал свой Успенский монастырь, известный впоследствии как Иосифо-Волоколамский. Иначе как чудом нельзя назвать то, что лесная обитель за считанные годы стала одним из процветающих монастырей на Руси и одним из центров духовной жизни, в тиши которого родилась «царская идея». Впрочем, чудо Иосифо-Волоцкого монастыря не было даром с небес, а творилось неустанными трудами его настоятеля.

Вместе с тем усилия и труды Иосифа Волоцкого были успешны во многом благодаря поддержке волоцкого князя Бориса Васильевича. С 1479 по 1483 г. братия кормилась только личным трудом и доходами с родовых владений Саниных. Жили крайне скудно до тех пор, пока князь Борис Васильевич не пожаловал монастырю село Отчищево. Его примеру последовали бояре А. Д. Квашнин, П. Н. Оболенский, А. А. Голенин и др. Их заботами монастырь отстраивался и богател. Наибольший вклад – 10 крупных сел с почти 40 деревнями был сделан удельными князьями, а 13 вотчинок и деревень передали монастырю землевладельцы средней руки⁴. Все это произошло за двадцать с небольшим лет игуменства Волоцкого. За это время игумен сумел заключить 60 сделок с землевладельцами по передаче земель и сел в собственность монастыря⁵.

¹ Ключевский В. О. Курс русской истории. М., 2018. С. 431.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Цит. по: *Вышегородцев В. И.* Нил Сорский и Иосиф Волоцкий // Великие духовные пастыри России. М., 1999. С. 271.

⁵ Цит. по: Там же.

Подобный успех достигался не только за счет набожности благотворителей, но и во многом благодаря личности Волоцкого. Он умел расположить к себе людей, вселить в них уверенность, что именно здесь молитвами монахов вкладчики после смерти обретут царствие небесное. Свою роль играл образ настоятеля – сурового аскета, поборника веры, блестящего оратора, богослова, писателя и публициста. Поддержать этого человека, с каждым годом приобретающего известность и авторитет не только в церковном мире, но и в великокняжеских кругах, значило приобщиться к его славе поборника православия, что повышало общественную значимость и вес тех, кто способствовал благополучию монастыря и входил в круг сподвижников грозного игумена.

Об оппоненте Иосифа Волоцкого Ниле Сорском сохранилось гораздо меньше сведений. Известно, что он родился в 1433 г. в Москве в семье Майковых, предположительно, дьяков московских князей. Об этом говорит тот факт, что его брат Андрей Майков, принявший в старости монашеский постриг, был известен как дьяк великого князя Ивана III.

Почти двадцать лет Нил Сорский был иноком Кирилло-Белозерского монастыря, изучая в его обширной библиотеке Священное Писание и Священное Предание, труды Ефрема Сирина, ареопагита Григория Синаита и других духовных столпов христианства. Как писал рано ушедший из жизни талантливый историк В. И. Вышегородцев: «Чтение и переписка книг позволили Нилу Сорскому заметить значительные расхождения в тексте и толковании догматов, что во многом и определило его желание воочию познакомиться с опытом монашеской жизни на Афоне и изучить в оригинале труды греческих богословов. Примерно в 1475 г. он вместе со своим учеником Иннокентием, выходцем из рода ярославских князей, уходит на Афонскую гору, где с 1172 г. русские паломники находили приют в Пантелеимоновском монастыре»¹.

Нил Сорский провел около десяти лет в монастырях Афона и Константинополя. Он впитал в себя дух византийской традиции монашеской жизни, отрешенной от мира, политических и социальных неурядиц. Поэтому не случайно, что, вернувшись на родину, Нил ищет «затворничества», необходимого для духовного совершенствования и восхождения к глубокому осмыслению фундаментальных основ христианства. Он нашел место проживания в ските на реке Соре. Скит насчитывал всего три отдельно стоявших кельи. Немногочисленная братия встречалась только в крохотной церкви на богослужениях. Вскоре этот скит превратился в монастырь во главе с Нилом Сорским. Однако Нилу Сорскому и его сподвижникам, «заволжским старцам», не удалось полностью изолироваться от мира. Им пришлось волей-неволей участвовать в полемике с иосифлянами по важному вопросу – судьбе церковной и монастырской собственности.

В XV в. архиепископии и монастыри становились крупными собственниками земель с крестьянскими селами и деревнями. Приобретения в основном шли за счет вкладов представителей имущих слоев населения на «вечную» заупокойную службу священнослужителями и монахами для обретения вкладчиками после смерти цар-

¹ Вышегородцев В. И. Нил Сорский и Иосиф Волоцкий // Великие духовные пастыри России. М., 1999. С. 276.

ствия Божия и тем самым бессмертия души усопшего. Это был мощный стимул делать вклады за «упокой души», так как в православии обретение царства Божия является главной целью и смыслом жизни верующего христианина. Достигается эта цель праведной жизнью, смирением, покаянием, прощением и другими христианскими добродетелями, но возможен и иной вариант – богатый заупокойный вклад.

Другим источником монастырской собственности был вклад за пострижение в монахи тех, кто решил на исходе прожитых лет посвятить свою жизнь служению Богу в иноческом братстве, отмолить свои грехи и добиться прощения за грешную жизнь в миру. В старости монашеский постриг принимали представители удельных князей, бояр, вотчинников и поместных дворян. Как писал В. О. Ключевский, Иосиф Волоцкий «признавался, что его монастырь начал обстраиваться с тех пор, как стали в нем стричься в чернецы добрые люди из князей, бояр, дворян и купцов, которые давали много от 10 до 200 рублей (до 12 тысяч на наши деньги)»¹.

Денежные вклады шли на покупку вотчин, и порой сами вкладчики подыскивали земли для монастыря. Кроме того, монастыри давали обедневшим вотчинникам ссуды под залог земли и в случае ее непогашения забирали в свою собственность земли должников. Так, за счет вкладов и ссуд процветающим в материальном отношении стал Троице-Сергиев монастырь, не имевший в конце XIV в. никаких земель. К концу XV в. монастырь владел селами во многих уездах Руси. Монастырские вотчины пользовались значительными привилегиями в уплате податей. Например, монастырь Спаса в Ярославле не платил в казну налогов и не нес повинностей. Тверской монастырь Отрочь был полностью освобожден от взносов в княжескую казну².

Произошли серьезные изменения в социальном составе монашества. Монастырские двери закрывались перед представителями социальных низов и открывались по преимуществу богатым людям, которые за монашеский постриг могли внести в монастырскую казну солидные денежные или земельные вклады. На смену искренним подвижникам веры часто приходили равнодушные к ней люди, ищущие за монастырскими стенами душевное спокойствие и избавление от тягот мирской жизни. В силу этого в общинах складывалась иерархия: иноки, внесшие вклады, находились в привилегированном положении в сравнении с теми, кто по бедности не был вкладчиком. В результате разрушались устои монастырской жизни – справедливость, равноправие, всеобщность личного труда, нестяжательство. Расшатывалась дисциплина.

Увеличивалось число церковных приходов, а вместе с ними численность священников. Немалая часть из них была неграмотной. Архиепископ новгородский Геннадий писал о клире самого грамотного города Руси: а попы «по псалтыре едва к апостолу и ступить не умеют» и даже в азбуке спотыкаются. В этой связи понятно, по какой причине ересь «жидовствующих» нашла сторонников среди духовенства: по малограмотности многие из них не могли противопоставить свои аргументы «преlestи» образованных еретиков, так как плохо представляли, какие истины должны отстаивать. Поэтому не случайно, что на суде над еретиками главный обвинитель

¹ Ключевский В. О. Курс русской истории. М., 2018. С. 423.

² История России с древнейших времен до конца XVII в. / Под ред. Л.В. Милова. М., 2006. С. 289.

от Русской православной церкви епископ Нифонт сразу заявил, что богословские споры с «жидовствующими» неуместны и потребовал для них смертной казни. Очевидно, он опасался неблагоприятного исхода полемики с еретиками.

На характере, поведении, психологии людей крайне негативно сказывалась феодальная война с человеческими жертвами, грабежами, насилием, вседозволенностью и безвластием. Мрачная морально-нравственная атмосфера в обществе тяжело сказывалась на церковной и монастырской среде, подтачивала ее морально-нравственные устои. Налицо был кризис духа.

Одну из главных причин кризиса в духовной сфере нестяжатели во главе с Нилом Сорским видели в монастырском землевладении, которое превращало монастыри в вотчины, где заботились о материальном достатке и в меньшей степени о духовном окормлении монашествующих и мирян. Иосиф Волоцкий, напротив, утверждал, что монастырские земли только укрепляют роль, положение и влияние Русской православной церкви в обществе и государстве. Земельная собственность монастырей – фундамент их социальной миссии.

Своя правда была как у Нила Сорского, так и у Иосифа Волоцкого. После удельной разобщенности и вольницы было необходимо стянуть русские земли в единое, а главное, в управляемое целое. Иван III решал эту задачу через всеобщность служения и тягла в государственной жизни, а Иосиф Волоцкий – в религиозно-духовной. В этом настоятель Иосифо-Волоцкого монастыря видел призвание церкви – орудие Бога на земле.

На первый план Волоцкий выдвинул идею социального служения, которая была сформулирована еще родоначальниками русского монашества – святыми Антонием, Феодосием, Сергием Радонежским и другими великими подвижниками. Однако, если у них социальное служение было сопутствующим задачам духовно-нравственного совершенствования монахов и духовного учительства мирян, то у Иосифа Волоцкого социальное служение становится призванием церкви и монастырей.

Классик истории церкви и русского богословия Г. Флоровский писал: «Своеобразие Иосифа в том, что и саму монашескую жизнь он рассматривал и переживал, как некое социальное тягло, как особого рода религиозно-земскую службу»¹. Иван III строил служилое государство, а Иосиф Волоцкий вместе с ним стал строить служилые церкви и монастыри, в стенах которых все обязаны нести свое тягло. Отсюда его приверженность к строжайшим монастырским уставам, жесткой дисциплине, охране незыблемости церковных обрядов и ритуалов. Священники и монахи – служилые люди, которые, как и все остальные подданные великого князя московского, обременены служением и тяглом. Однако это тягло особого рода – неукоснительного исполнения долга духовных наставников и учителей русского народа.

Иосиф Волоцкий и самодержца включает в систему всеобщего тягла, которое на него возложено самим Богом как на его помазанника, слугу и защитника православия, милосердия и справедливости. Если государь не справляется со своими обязанностями перед Богом и православными людьми, то он должен быть смещен с трона. Сурово Волоцкий относился и к мирянам, требовал от них участия

¹ Флоровский Г. В., прот. Пути русского богословия. М., 2009. С. 18.

в жизни церкви и соблюдения норм и правил православия в быту. Кредо Иосифа Волоцкого – долг, обязанность, дисциплина и служение. На этих основах он строил церковно-монастырскую жизнь, отодвигая на второй план духовно-нравственное совершенствование священников, монахов и мирян.

На позиции Иосифа Волоцкого с его приоритетом социального служения церкви во многом сказывался склад его характера с неумемной жадностью. Он удивительным образом сочетал монастырскую жизнь с бурным участием во всех делах, волновавших Московскую Русь. Волоцкий настойчиво содействовал эволюции политического сознания московского князя в православного царя, видя в самодержавии удовлетворение собственных устремлений к социальной дисциплине и богоответственной власти.

Иосифа Волоцкого нельзя обвинить в равнодушии к жизни мирян. Напротив, монастырское землевладение он рассматривал как возможность создать «зону» справедливости, милосердия и благотворительности. Г. В. Флоровский пишет: «Он был великим благотворителем, “немогущим состраданием”, и монастырские “села” защищал он именно из этих филантропических и социальных побуждений. Ведь “села” он принимает от владущих и богатых, чтобы раздавать и подавать нищим и бедным. И не только от страха, и не только из чувства долга, но именно из милосердия Иосиф благотворит, и обращает свою обитель то в сиротопитательницу, то в странноприимный дом, и учреждает “божедомье” в погребенье странным»¹. Сам Иосиф вел строго аскетический образ жизни – в питании, простоте одежды и скудности обстановки в келии. Он строго следил, чтобы монахи основную часть жизнеобеспечения зарабатывали личным трудом на различных монастырских и хозяйственных работах.

Иосиф Волоцкий – один из самых образованных людей своего времени. Он собрал в монастыре обширную библиотеку. «Но при всей своей книжности Иосиф равнодушен к культуре или точнее сказать, в культуре он только приемлет, что подходит под идеал благочиния и благолепия, но не самый пафос культурного творчества»². В понимании человека Иосиф Волоцкий исходит из принципа его «обожения». Человек – «венец творения», некое плотское божество. Он носит в себе душу, слово и ум. Это тоже своеобразная троица, где душа – отец, слово – сын, а ум – Дух Святой. Такая трактовка человека подчеркивала, что на нем лежит особая ответственность за характер и суть своего бытия в мире. Не отрицал Иосиф Волоцкий и свободу воли, но она достижима только через преодоление страстей, свойственных человеку, которые могут увести на богопротивный путь. Свобода воли – не просто выбор человеком своего жизненного пути, но прежде всего воля в преодолении своих духовно-нравственных несовершенств. Вместе с тем воззрения Иосифа Волоцкого оказались крайне догматизированы и вариантов творческого прочтения основ православия оказывалось весьма мало.

Другое отличное от иосифлян течение в русском православии представляли нестяжатели, которых также называли «заволжские старцы» во главе с выдающимся подвижником Нилом Сорским. Они развивали традиции монашеской

¹ Флоровский Г. В., *прот.* Пути русского богословия. М., 2009. С. 18.

² Там же. С. 19.

жизни, заложенные святыми Феодосием и Сергием Радонежским, сохранили смиренную кротость, нестяжание, любовь к уединению, богомыслие. Их идеалом становится «нестяжание в самом строгом смысле не личного, а монастырского отказа от собственности»¹.

Полная независимость от мира давала им право судить мир. Излюбленная Нилом Сорским форма аскезы – аскеза нищеты. Отрицание собственности для него не только монастырский, но общецерковный идеал. В бедности он видел верность евангелическому образу Христа. Монахи должны кормиться исключительно своими трудами. Внешняя аскеза должна сочетаться с внутренней аскезой, постоянной «умной молитвой». Нил Сорский во многом руководствовался традицией греческой мистики: сказались годы пребывания на Афоне и глубокое знание трудов греческих богословов, изучению которых он посвятил годы интеллектуального труда.

Нил Сорский – проповедник христианской любви к ближнему, прощения и покаяния, стойко противился казням даже еретиков, отстаивая заповедь «не убий». Не навязывая своих идей, действуя только примером, Нил Сорский заложил основы нравственно-мистического направления в религиозной жизни, когда цель духовного совершенства достигается борьбой с мирскими страстями, отодвигая на второй план мистику как средство защиты верующего от несправедливости окружающего мира.

Примечательно, что согласно уставу Сорского скита, в него не принимали неграмотных людей, так как иноки наряду с молитвами и трудом были обязаны изучать священные книги и богословские труды. Вера должна не провозглашаться, а осознаваться, наполнять все естество человека. Если Иосиф Волоцкий стремился укреплять веру иноков твердым монастырским уставом и строжайшей дисциплиной, то Нил Сорский эту же задачу решал через осмысленное укоренение в вере. Он – сторонник аскезы, но в отличие от Иосифа Волоцкого аскезы мягкой, без изнеможения души и тела.

Нил Сорский утверждал, что и в миру возможна праведная жизнь и обретение спасения, то есть бессмертия, в Царстве Божьем. Для этого мирянам, как и инокам, необходимо преодолеть восемь страстей: чревоугодие, блуд, «недуг сребролюбия», гнев, скорбь, уныние, тщеславие, гордость. Давая характеристику каждой страсти, «он ссылается на труды Симеона Нового Богослова, Григория Синаита и Иоанна Лествичника, тем самым подтверждая генетическую связь своего учения с традициями русского иночества, опиравшегося в первую очередь на указанных теоретиков религиозно-нравственного совершенства»². По определению Г. В. Флоровского, Нил Сорский «живет отеческой традицией, она жива и оживает в нем»³.

Таким образом, спор между «заволжскими старцами» и Иосифом Волоцким выходил далеко за рамки проблемы монастырского землевладения. Его суть лежала не на поверхности стяжания или нестяжания, а в глубине осмысления самих

¹ Федотов Г. П. Трагедия древнерусской святости // Судьба и грехи России. Т. 1. С. 310.

² Вышегородцев В. И. Нил Сорский и Иосиф Волоцкий // Великие духовные пастыри России / Под ред. А. Ф. Киселева. М., 1999. С. 285.

³ Флоровский Г. В., прот. Пути русского богословия. М., 2009. С. 21.

основ духовно-нравственного совершенствования человека, православной жизни, роли церкви в обществе и государстве.

Московский собор 1503 г. обсуждал обе богословские доктрины. Несмотря на то, что Иван III был негласным сторонником нестяжателей, так как ему были необходимы монастырские земли для развития поместной системы, победу одержал Иосиф Волоцкий. Иван III опасался нарушить «симфонию властей» – мощную созидательную силу строительства русского единого централизованного государства. Великий князь всея Руси молча отступил перед собором и, разумеется, перед Иосифом Волоцким, который внес самый весомый вклад в укрепление великокняжеской власти, обосновав ее божественное происхождение.

Идеи Иосифа Волоцкого по достоинству оценили практически все верховные правители России, начиная с Василия III, Ивана Грозного и заканчивая Николаем II. Однако именно со времен Иосифа Волоцкого, задолго до царя Алексея Михайловича и Петра I, начали оформляться предпосылки подчинения церкви государству. Эти процессы обуславливались не злой или доброй волей отдельных политических и религиозных деятелей, а особенностями той национально-государственной и духовной среды, в которой жила православная церковь с ее стремлением служить решению исторических национальных задач.

Победа сторонников Иосифа Волоцкого над учениками Нила Сорского вела к окостенению духовной жизни. Об этом писал Г. П. Федотов: «Христианство с искоренением мистических течений Заволжья превращается все более в религию священной материи: икон, мощей, святой воды, ладана, просвир и куличей. Диететика питания становится в центре религиозной жизни. Это ритуализм, но ритуализм страшно требовательный и морально эффективный»¹.

Г. П. Федотов подчеркивал, что если заволжцы питались «духовными токами Востока», то иосифляне проявляли «яркий национализм». «Победа Иосифа определилась сродностью, созвучием его дела национально-государственному идеалу Москвы с ее суровой дисциплиной, напряжением всех социальных сил и закрепощением их в тягле и службе»². Победа иосифлян означала торжество «национально-государственных задач над внутренне-религиозными»³. Характеристика точная и безупречная. В историю уходил XV в. – век драм, трагедий и эпохальных побед: обретения Русской православной церковью автокефалии, свержения татаро-монгольского ига, завершения процесса формирования единого централизованного русского государства на принципах всеобщего служения, становления русского самодержавия как богоустановленной власти. С теорией «Москва – Третий Рим» обозначились контуры русской мессианской идеи – идеи, без которой не рождаются империи.

¹ Федотов Г. П. Россия и свобода // Федотов Г. П. Судьба и грехи России. Т. 2. С. 283.

² Федотов Г. П. Трагедия древнерусской святости // Федотов Г. П. Судьба и грехи России. Т. 1. С. 317–318.

³ Трагедия древнерусской святости // Федотов Г. П. Судьба и грехи России. Т. 1. С. 317–318.